
ОСТРАЯ ЛУКА ДОНА В ДРЕВНОСТИ. ЗАМЯТИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ (РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР. ВЫП. 6) — М., 2004. — 330 С.: ИЛ.

Проблематика эпохи Великого переселения народов в современной исторической и археологической науке является одной из наиболее сложных и запутанных, что обусловлено самой спецификой изучаемого периода. Он крайне слабо обеспечен историческими источниками как археологическими, так и, особенно, письменными. Настоящее «броуновское движение» отдельных народов и племен на обширных просторах Европы, распад, крах и перерождение великой Римской империи, столкновения кочевых варварских орд и различных европейских народов породили сложнейший комплекс проблем вдоль римского лимеса и в *Barbaricum*, разобраться в которых весьма непросто. В такой ситуации особое значение приобретают региональные исследования, призванные освещать отдельные «хронотопы» эпохи, из которых в итоге складывалась разношерстная ткань процесса переселения народов в начале Средневековья.

В бассейне Верхнего Дона археологические памятники позднеимперского и гуннского времени стали известны совсем недавно. Это древности типа Каширки-Седелок и типа Чертовицкое-Замятино, получившие свои названия по первым, наиболее полно изученным поселениям. Их полевое исследование осуществляется в последнее десятилетие археологическими экспедициями из Воронежа, Липецка, Москвы. К настоящему моменту уже достигнуты вполне определенные успехи в исследовании и интерпретации полученных материалов: намечена хронология, произведено культурно-географическое районирование, выявлен круг их культурных аналогий. Однако, как показали публикации последних лет, среди исследователей нет единодушия в этнокультурной интерпретации указанных древностей, далеко не исчерпаны и некоторые другие проблемы. Несмотря на это, в целом можно констатировать завершение первого этапа исследований верхнедонских памятников позднеимперского и гуннского времени и начало новой стадии их осмысления, когда, видимо, придется «вплести» эти древности в цепь сложных и разнообразных этнокультурных явлений эпохи Великого переселения народов. Такие попытки уже предпринимались одним из авторов настоящей рецен-

зии. Им сформулирована гипотеза о преимущественно антской принадлежности древностей типа Чертовицкое-Замятино¹.

Рецензируемая монография представляет собой исчерпывающее описание и анализ поселений раннегуннского времени, выявленных близ с. Замятино Задонского района Липецкой области. Памятники были открыты липецким археологом И. Е. Бирюковым, осуществившим небольшие раскопки одного из них. Но идея их археологического изучения широкой площадью, а затем комплексного исследования, безусловно, принадлежит А. М. Обломскому — ведущему российскому специалисту по раннеславянской проблематике. Ему удалось собрать интересный авторский коллектив, который и провел всестороннее изучение практически всех доступных археологам аспектов культуры населения, оставившего этот комплекс поселений. В его состав вошли не только археологи-полевики, но и специалисты в области палеоботаники, археозоологии, почвоведения, древних ремесел. В результате впервые получены весьма достоверные научные данные о почвах и исторических ландшафтах региона, о хозяйственно-экономической деятельности его населения, о спектре возделываемых им сельскохозяйственных культур и составе стада, об уровне развития и характере ремесла, о хронологии и датировке как отдельных поселений, так и всей их системы в целом.

На основании полученных данных комплекс поселений у с. Замятино интерпретируется как региональный ремесленный центр с полиэтничным населением, включавшим носителей киевских, черняховских, а также лесных (мошинских, дяковских) и позднеантичных культурных традиций (с. 156). По мнению А. М. Обломского, его хронология укладывается в пределы середины — 2-й половины V в., не исключая появления некоторых поселений уже в конце IV в. Здесь открыто несколько строительных объектов со следами ремесленного производства (косторезного, металлоплавильного, гончарного). Появление квалифицированных мастеров — гребенщиков, ювелиров, гончаров —

¹ *Медведев А.П.* Свидетельство Прокопия Кесарийского о восточных пределах антов в свете новейших археологических открытий // Норция. Воронеж, 2004. С. 99—112.

связывается А. М. Обломским с перемещением на Острую Луку Дона центра одного из гуннских племен (с. 166).

В связи с приведенными в книге гипотезами хотелось бы высказать некоторые соображения, допускающие иную интерпретацию археологического материала, нежели у ее авторов. Во-первых, на наш взгляд, сильно преувеличивается значение лесного компонента как на замятинских поселениях, так и, шире, среди древностей типа Чертовицкого-Замятино в целом. Дело в том, что мощинско-дьяковские элементы более или менее отчетливо прослеживаются только в керамическом комплексе, где они, судя по табл. 5, составляют среди лепной посуды всего от 3 до 9 %. Такая ситуация может отражать, скорее, включение отдельных носителей лесной керамической традиции (очевидно, женщин) в «замятинские общины», но никак уж не «волну переселения» (с. 156). Во всяком случае, она практически никак не ощущается южнее, на III Чертовицком городище и окрестных поселениях. Что же касается немногочисленных чернолощенных сосудов того же мощинско-дьяковского происхождения, то они могли попадать на Замятино и в результате обмена как столовая посуда. На существование такого обмена прямо указывает костяной гребень, вероятно, произведенный донским мастером, он обнаружен на одном из мощинских городищ (с. 164). Между тем ни в домостроительстве, ни в хозяйстве, ни в ремесленном производстве влияние лесных племен в материалах Замятинского комплекса отчетливо не проявляется.

С другой стороны, как кажется, в книге явно занижено значение находок на практически всех поселениях типа Чертовицкого-Замятино лепных горшков с растробовидным верхом. В предшествующее сарматское время они, бесспорно, доминировали в местном керамическом комплексе верхнедонских поселений. Ссылка А. М. Обломского на встречаемость этого типа сосудов в черняховской культуре, а значит, и на возможность их попадания на Верхний Дон путем принесения со стороны выглядит как-то малоубедительно, так как подобные горшки, украшенные насечками по венчику, никак не определяют облик черняховского керамического комплекса и выглядят там скорее как исключение. Но это детали, и суть дела даже не в них.

На наш взгляд, не совсем убедительно реконструирован собственно этнополитический механизм, объясняющий возникновение комплекса поселений у с. Замятино. А. М. Обломский пред-

полагает, что все население, оставившее древности круга Чертовицкое-Замятино, пригнали на Верхний Дон гунны с целью обслуживания их местной ставки (с. 166). Причем в разных частях книги содержатся то явные, то скрытые указания на то, что его исходную территорию следует искать на Дунае и вблизи него, где находился центр гуннской державы до ее разгрома в 50-х годах V в. Однако практически никаких археологических свидетельств в пользу дунайских истоков древностей типа Чертовицкое-Замятино в книге мы не нашли. Наверное, потому, что их и нет. Между тем, основа керамического комплекса замятинских поселений вполне определенно соотносится с керамикой сейминско-донецкого варианта киевской культуры, носители которого, по мнению самого А. М. Обломского, покинули свой исконный регион где-то во 2-й половине IV в. Причем речь идет, судя по числу местонахождений древностей типа Чертовицкое-Замятино, о довольно крупном массиве населения. К тому же следует обратить внимание на то, что по данным раскопок на этих поселениях даже в окрестностях современного Задонска (т. е. вблизи Замятино) проживали преимущественно обычные сельские жители, а никак не мастера-ремесленники. С последними можно связать всего несколько объектов в весьма обширном ареале, занятом верхнедонскими памятниками гуннского времени.

В этой связи возникает вполне закономерный вопрос: где же археологические следы кочевников-гуннов на Верхнем Дону V в.? К сожалению, эти следы исчерпываются лишь находками двух железных трехлопастных наконечников стрел (III Чертовицкое, Староживотинное 3) и юртообразного жилища (Ксизово-19), если таковое вообще принадлежало гуннам, так как достоверных гуннских жилищ наука пока не знает. Что касается пребывания на Дону мастеров, выпускавших гребни или гончарные сосуды, то в их услугах кочевники гуннского круга вряд ли нуждались. Ведь ни гребни, ни гончарная посуда, ни металлические зеркала типа Чми-Бригечио, обломки которых встречены на замятинских поселениях, в собственно гуннских погребениях не встречаются. Выходит, что никаких надежных признаков пребывания этнических гуннов в верховьях Дона пока не обнаружено. Поэтому гипотеза о ставке гуннского вождя в районе Острой Луки Дона явно требует дополнительной аргументации. Кроме того, она вступает в противоречие и с положениями современного кочевниковедения о местоположении зимников и с более

надежными сведениями из истории кочевников Донской лесостепи как в раннем Железном веке, так и в Средневековье. По мнению одного из авторов настоящей рецензии, природно-климатические условия верхнедонского региона и, прежде всего, довольно значительный снежный покров делали просто невозможным длительное пребывание на широте Задонска больших масс кочевников, так как они не могли здесь прокормить зимой многотысячные табуны коней и стада овец — основу их благосостояния и военной мощи². Во всяком случае, даже самые крупные верхнедонские курганные некрополи скифского и сарматского времени могли быть оставлены группами скотоводческого населения, насчитывающими в лучшем случае десятки мужчин-воинов. Это значит, что хозяйственное освоение ландшафтов северной лесостепи было возможно лишь сравнительно небольшими группами кочевников, но никак не кочевой ордой.

Погребения, относящиеся к гуннскому времени, в последнее время стали известны и на Верхнем Дону. Это захоронения на Животинном городище, погребение в Подклетнинском могильнике, на площади поселения Мухино 2, в могильнике близ с. Ксизово. Однако, судя по их культурному облику, вероятнее всего, они не связаны с гуннским этносом в узком смысле этого слова. Их исконную территорию следует искать скорее не в Подунавье, а в Северо-Восточном (район Танаиса) и Восточном Причерноморье. Так или иначе, истинную роль носителей обряда ингумаций в истории нашего региона середины I тыс. еще предстоит разгадать.

² *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э.). М., 1999. С. 62.

Но уже сейчас не следует сбрасывать со счетов присутствие в некоторых из названных погребений, и что особенно важно — на верхнедонских поселениях, — бронзовых зеркал типа Чми-Бригечио и их обломков. Эти находки указывают не на западное, как утверждает А. М. Обломский, а, скорее, на южное, прежде всего кавказское направление связей верхнедонского населения в V в. Как известно, зеркала весьма характерны для аланской культуры Северного Кавказа. У гуннов же их практически нет.

Высказанные выше сомнения и наша критика основной гипотезы авторов книги «Острая Лука Дона в древности» носят характер научной полемики и никоим образом не умаляют значения рецензируемой монографии. Она вводит в научный оборот новый важный источник по истории Верхнего Подонья на рубеже древности и средневековья. В то же время при ее чтении возникает немало вопросов, которые еще предстоит решать исследователям. По этой причине выход рецензируемой книги можно считать началом нового этапа исследований древностей позднеримского и гуннского времени на Верхнем Дону, и тем самым еще раз отметить ее значимость не только для региональной археологии, но и для изучения проблематики гуннского времени на юге Восточной Европы в целом. Думаем, что она надолго станет настольной книгой для всех, кто интересуется не только историей и археологией нашего края, но историей Восточной Европы в переломную эпоху от древности к средневековью.

Д. В. Акимов, А. П. Медведев